

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В.Г. Пуцко

ПОРТРЕТЫ ТОБОЛЬСКОГО МИТРОПОЛИТА
ИОАННА МАКСИМОВИЧА

Облик русских писателей запечатлен в их многочисленных изображениях, начиная от А.Д. Кантемира, В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова¹. Портретирование украинских писателей духовного чина начинается несколько раньше, с первой половины XVII в., с полоцкого архиепископа Мелетия Смотрицкого, бывшего с 1620 г. православным архиереем, а около 1627 г. ставшего униатом, скончавшегося в 1633 г.² В этот ряд должны быть поставлены разновременные портреты св. Димитрия (Туптало), митрополита Ростовского, 23 марта 1701 г. посвященного в епископский сан для Tobольска, но так туда и не доехавшего³. После его перевода в Ростов (4 января 1702 г.), в Tobольск был хиротонисан наместник Свенского монастыря близ Брянска Филофей Лещинский (4 апреля того же 1702 г.), который управлял Сибирской епархией до принятия схимы в Тюмени, в 1711 г. Сохранился его большой парадный портрет в Tobольске, к сожалению, не опубликованный, как и многое другое. После этого тобольским митрополитом был назначен черниговский архиепископ Иоанн Максимович (с 11 марта 1712 г.), управлявший епархией до своей кончины, последовавшей 10 июня 1715 г., т.е. в продолжение немногим более трех лет. В 1716 г. он был причислен к лику святых⁴. С этого времени получают известность его иконописные изображения, из-за революционных событий не ставшие многочисленными.

Митрополит Иоанн Максимович был духовным писателем. Его охотно читали в России. Но он вошел прежде всего в историю украинской литературы как автор многочисленных стихотворных и прозаических произведений, а также как переводчик. Родился в декабре 1651 г., очевидно в Нежине. Обучался в Киево-Могилянской коллегии до 1669 г., а после там же был профессором. С 1680 г. видим его иеромонахом Киево-Печерской лавры, где в течение 1685–1690 гг. исполнял он и обязанности проповедника. В 1684–1696 гг. Иоанн – наместник Успенского Свенского монастыря, бывшего тогда филиалом лавры; его старания

привели обитель в цветущее состояние. С 1696 г. Иоанн Максимович уже известен как архимандрит черниговского Елецкого монастыря, а 10 января 1697 г. рукоположен в Москве в сан черниговского архиепископа. Свое пребывание на архиерейской кафедре в Чернигове владыка ознаменовал основанием в 1700 г. коллегиума.

Здесь же, как известно, начинается интенсивное издание его различных произведений: «Зерцало от писания божественнаго» (Чернигов, 1705), «Алфавит собранный, рифмами сложенный от святых писаний, из древних речений на ползу всем чтущим в правой вере сущим» (Чернигов, 1705), «Псалом пядесятий с писания взятый» (Киев, 1707), «Богородице Дево, книга нареченна» (Чернигов, 1707), «Феатрон, или позор нравоучительный» (Чернигов, 1708), «Молитва Отче наш от Христа Господа сложенна» (Чернигов, 1709), «Осьмь блаженства евангелские, от Христа, Господа Спаса нашего изреченные» (Чернигов, 1709), «Царский путь креста Господня, вводящий в живот вечный» (Чернигов, 1709), «Богомыслие в ползу правоверным» (Чернигов, 1710; дважды переиздано в 1711 г.), «Илитропион, сообразование человеческой воли с божественною изображающий» (Чернигов, 1714) – перевод произведения иезуита Дрекслия. Последняя книга вышла из печати, когда Иоанн Максимович уже два года находился в Тобольске. Книги «Царский путь креста Господня» и «Илитропион», надо сказать, позже были переизданы Оптиной пустынью в 1889 г.⁵ Печатание осуществлено под смотрением преп. Амвросия. Правда, оценка произведений была неоднозначной. Так, св. Димитрий Ростовский писал митрополиту Стефану Яворскому: «Книга вершов печатных прислана мне: Бог дал тем вершописцом друкарню, и охоту, и деньги, и свободное житье: мало кому потребныя вещи на свет происходят»⁶. Исследователь украинской литературы называет писателя «типичным автором пустых виршей»⁷.

Такова общая канва жизни и литературной деятельности митрополита Иоанна Максимовича. В Сибири он неустанно служил, проповедовал, будучи единственным правящим архиереем в огромном крае, и в результате, не выдержав сурового климата и перенапряжения сил, скончался в возрасте 64-х лет.

Сегодня известны два портрета, изображавшие эту яркую фигуру, оставившую заметные следы в церковной жизни Украины и Сибири, а также в духовной литературе начала XVIII в. (книги митрополита Иоанна Максимовича долго были очень популярны, особенно в монашеской среде). Первый из портретов (рис. 1) хранился в черниговском архиерейском доме,

Рис. 1

корону, митра, украшенная камнями и жемчугом и увенчанная крестом. На груди крест и панагия на массивных цепях, тоже с камнями и жемчугом; их типологические признаки известны по сохранившимся ювелирным изделиям рубежа XVII–XVIII вв. На панагии изображение Спаса Нерукотворного. В правой руке у архиерея серебряный жезл с граненым стержнем, имеющим, похоже, хрустальные «яблоки», с разветвленным надвое «процветшим» завершением. Левая рука сжимает рукоять благословящего, небольшого по размерам четырехконечного креста с рельефными изображениями распятого Христа и Саваофа, в ажурном обрамлении. Подобные изделия, чаще представлявшие деревянную резьбу в серебряной оправе, были весьма популярны на Украине во второй половине XVII – третьей четверти XVIII в. Обычай ношения архиереями подобных ручных крестов сохранился лишь у украинских греко-католиков, а на Востоке – в нехалкидонских церквях. С такими же крестами до самого недавнего времени совершали требы священники на Украине, в обязательном порядке – отпевания и панихиды. Слева вверху на портрете расположен герб Иоанна Максимовича, справа – его монограмма.

и даже был однажды воспроизведен, к сожалению, без каких-либо аннотаций⁸. На нем святитель был представлен поклоенно, в трехчетвертном повороте влево, в архиерейском облачении из златотканной парчи, отделанном золотным шитьем: покрой саккоса, широкий омофор с необычайно крупными рельефными декоративными крестами, больших размеров палица – все это характерно для петровского времени. Широкие поручи, с жемчужной обнизью, украшены медальонами с изображениями, что отличает украинскую и балканскую традицию, явно восходящую к греческим истокам. На голове высокая, напоминающая по форме

Описанное изображение представляет одну из разновидностей украинского архиерейского портрета, нередко – парадного, образцы которого в свое время были собраны в стенах различных церковных учреждений, как, например, в Харькове⁹. Сопоставимо оно, в частности, и с выполненным около 1718 г. портретом киевского митрополита Иоасафа Кроковско-го, представленного в рост, в аналогичной позе¹⁰. Следует сказать хотя бы несколько слов об облике Иоанна Максимовича, изображенного в бытность его черниговским архиепископом, следовательно, между 1697 и 1712 гг., может быть даже ближе к ранней из этих дат. Перед нами иерарх, полный жизненных сил, с волевым лицом, обрамленным окладистой русой с проседью бородой и прядями седых волос, с крючковатым носом и настороженно прищуренными глазами под высоко расположенными линиями бровей. Особый акцент вносят резко очерченные мимические складки, идущие от носа. Высокий профессиональный уровень живописи не дает оснований заподозрить отсутствие портретного сходства, при общем типологическом соответствии оригиналу.

Тем большее удивление вызывает сопоставление иного, более позднего портрета, сохранившегося в Tobольске¹¹. Речь идет о погрудном изображении, выполненном в технике масляной живописи, на жести, размером 46,5 x 36,5 см. Пластина шестигранная, с узким верхом (14,5 см). Митрополит представлен в белом, слегка расширяющемся книзу клобуке и темно-красной архиерейской мантии с синим воротом (не исключено, что в кадре оказались не детализованные живописцем нашитые на мантию «скрижали»). Лицо в трехчетвертном повороте вправо, написанное широкими мазками, будучи моделировано различными оттенками коричневого цвета. Глаза карие. Между приподнятыми бровями двойная морщинистая складка. Клобук и слегка раздвоенная борода, спускающаяся до груди, писаны оттенками серого и умбры с пробелами. Фон «свинцового» оттенка, со следами поздних записей, сделанных в связи с коррозией основы. Живопись подвергнута реставрации¹².

Портрет, абрис которого повторяет торцовую сторону гроба, обнаружен в усыпальнице Софийско-Успенского кафедрального собора в Tobольске, после чего хранился в соборном древнехранилище (Инв. № 644) до того, как в 1925 г. передан в музей. Надо заметить, что извлечение портрета из усыпальницы, относится к 1826 г., времени, когда были перенесены останки митрополита¹³. Его личность начинает привлекать внимание и получает освещение в литературе¹⁴. Копия данного изображения входила в

Рис. 2

вилегированных слоев населения существовал обычай при погребении умершего укреплять на торце гроба («труны») его портретное изображение соответствующей формы. Много таких портретов хранится в Кракове, Варшаве, Познани, Торунь, Львове¹⁵. В свое время они играли видную роль в регламентированной до мелочей похоронной церемонии. Принято предполагать, что распространение такого погребального образа ограничено пределами Речи Посполитой, в отличие от Левобережной Украины, вошедшей в середине XVII в. в состав Русского государства. Тобольская находка, соответственно, ставит, по крайней мере, это утверждение под вопрос. Был ли обычай выполнения таких изображений заимствован с Правобережной Украины, по-прежнему остававшейся в политических границах Речи Посполитой, или он был известен также на Левобережье? Кто мог оказаться мастером столь свободно выполненного портрета? Известно о том, что предшественник Иоанна Максимовича по тобольской архиерейской кафедре митрополит Филофей Лещинский немало способствовал перенесению в Сибирь украинских церковных обычаев и традиций искусства украинского барокко. В частности, он заботился о приглашении в Тобольск живописцев. Выполняя заказ митрополита Филофея Лещинского, киевские мастера написали иконы для Софийско-Успенского кафедрального собора, а в 1708–1711 гг. – и для соборного храма Троицкого монастыря в Тюмени. Именно этот архиерей больше всего сделал для укоренения в церковном

состав портретной галереи Тобольского архиерейского дома и, в свою очередь, послужила образцом для икон в 1916 г., тогда как оба сохранившихся портрета, выполненные современниками Иоанна Максимовича, не были практически использованы. Черниговский портрет не сохранился: уничтожен в 1930-е гг. или же погиб в годы Великой Отечественной войны.

В XVII–XVIII вв. в

Польше и на Украине у при-

искусстве Западной Сибири европейского направления, благодаря украинскому посредничеству¹⁶.

Казалось бы, сказанное дает все основания предположить в авторе труменного портрета митрополита Иоанна Максимовича одного из работавших в Тобольске мастеров. Всматриваясь в изображение, нельзя не заметить, что оно написано быстро, свободно нанесенными, как бы вибрирующими мазками, которыми живописец уверенно лепит форму. При этом он передает контрастно освещенное лицо, явно с натуры, уже старого и больного человека, с как бы оплывшим носом и печальными глазами. Грустный вид портретируемого наводит на мысль, что последний сам заказал себе труменный портрет, может быть даже находясь в Москве, по дороге в Сибирь. Автором скорее всего был европейский художник, причем вполне сложившийся мастер, из числа тех, кто в 1712 г. мог оказаться в российской столице¹⁷.

Труменные портреты православных иерархов встречаются крайне редко. Один из известных, впоследствии утраченный, – с погрудным изображением сучавского митрополита Досифея, выдающегося архиерея, скончавшегося в Жовкве в 1693 г., выполнен на шестигранной серебряной пластине, размером 40,0 x 56,0 см, кисти художника, работавшего для польского короля Яна III¹⁸. Второй портрет, овальный, размером 68,0 x 53,0 см, в технике масляной живописи, на полотне, с погрудным изображением киевского митрополита Гedeона Святополк-Четвертинского, скончавшегося в 1690 г., датируемый первой половиной XVIII в., к числу труменных не принадлежит¹⁹. Таким образом, тобольский портрет митрополита Иоанна Максимовича оказывается почти современным упомянутому труменному портрету митрополита Досифея, притом никак не уступающим ему в мастерстве. Иных подобных портретов мы пока не знаем, несмотря на то, что позади остались многолетние поиски, говорить о чем здесь подробно как будто совершенно незначит.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Галерея русских писателей. М., 1901.

² *Попов П.* До іконографії письменників XVII в. Мелетія Смотрицького та Йосифа Веляміна-Рутського // Ювілейний збірник на пошану акад. М.С. Грушевського. Т. 1. Київ, 1928. С. 84–91; *Пуцко В.* Забуті партрэты Мялеція Смятрыцкага // Мастацтва Беларусі. 1989. № 2. С. 65–66.

³ Белецкий П. Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. Л., 1981. С. 122–124. Ил. 107; Федорова М.М. Дмитрий Ростовский. Иконография в собрании Ростовского музея // Сообщения Ростовского музея. Вып. II. Ростов, 1991. С. 48–70.

⁴ См.: Юрьевский А. К жизнеописанию святителя Иоанна Максимовича // Труды Киевской духовной академии. 1916. № 5–6. С. 62–94; Святитель Иоанн Максимович, митрополит тобольский и сибирский, новоявленный чудотворец (1651–1715) // Киевские епархиальные ведомости. 1916. Ч. неоф. № 22–28, 30–33.

⁵ Ср.: Соколов Д.Д. Об изданиях Оптиной пустыни вообще и издании ею святоотеческих творений в частности // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Вып. 5–6. Калуга, 1898. С. 10–24.

⁶ Цит. по кн.: Шляпкин И.А. Св. Дмитрий Ростовский и его время. СПб., 1891. С. 263–264.

⁷ Возняк М.С. Історія української літератури. Кн. 1. Вид 2-го, випр. Львів, 1992. С. 570.

⁸ Картины церковной жизни Черниговской епархии из IX-вековой ее истории. Киев, 1911. Ил. на с. 104.

⁹ См.: Багалей Д.И., Миллер Д.П. История города Харькова за 250 лет его существования. Т. 1 (XVII–XVIII вв.). Харьков, 1905. Ил. на с. 326, 329, 331, 333, 335, 393.

¹⁰ Белецкий П. Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. С. 121. Ил. 106.

¹¹ Впервые сведения о нем, без репродукции, опубли.: Пуцко В., Сухорукова Н. Труменный портрет Иоанна Максимовича // Київська старовина. 1994. № 4. С. 101–103.

¹² ТГИАМЗ. Инв. № 15450.

¹³ Титов А.А. Митрополит Иоанн Максимович // Русская старина. 1882. Т. 49. Март. С. 589–592.

¹⁴ Сулоцкий А., свящ. Жизнь Иоанна Максимовича, митрополита Тобольского и всея Сибири. М., 1849 (изд. 2-е, испр. и доп. М., 1854).

¹⁵ См.: Dobrowolski T. Polskie malarstwo portretowe (ze studiów nad sztuką epoki sarmatyzmu). Kraków, 1948; Gebarowicz M. Portret XVI–XVIII wieku w Lwowie. Wrocław, 1969. S. 109–111. Рус. 71–79; Білецький П. Український портретний живопис XVII–XVIII ст.: Проблеми становлення і розвитку. Київ, 1969. С. 50–60; Он же. Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. С. 138–147.; Тананаева Л. И. Сарматский портрет: Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979; Gdzie Wshyd spotyka Zachyd. Portret osobistosci dawnej Rzeczypospolitej, 1576–1763/ Katalog wystawy. Warszawa, 1993; Dziubkewa J. Vanitas: Portret trumienny na tle sarmackich obyczajów pogrzebowych. Poznań, 1996.

¹⁶ Подробнее см.: Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914.; Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск, 1974.

¹⁷ Тем не менее, поиски конкретного автора, с учетом опубликованных материалов, очень затруднены. См.: Молева Н., Белютин Э. Живописных дел мастера: Канцелярия от строений и русская живопись первой половины XVIII века. М., 1965.

¹⁸ Gdzie Wshyd spotyka Zachyd. S. 222, 393–394. Kat. 327.

¹⁹ Ibid. S. 171, 373. Kat 230.